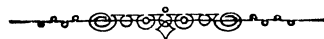

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XIV

1883

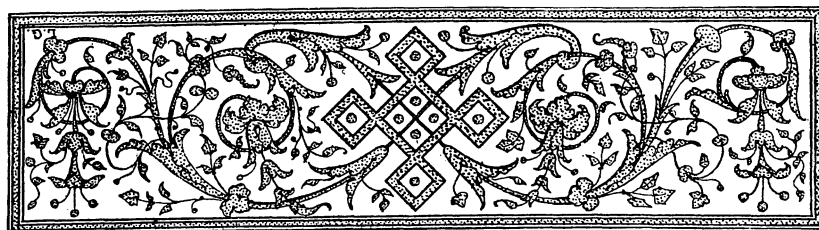

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

ВЪ НАЧАЛЪ августа 1881 года, я получилъ отъ Ивана Сергѣевича извѣстіе, что онъ уѣзжаетъ изъ своего орловскаго имѣнія 15-го числа этого мѣсяца. Я до этого времени никогда не видалъ Тургенева, но уже два года велъ съ нимъ постоянную переписку. Насъ соединяло одно общее дѣло, въ которое Иванъ Сергѣевичъ вносилъ обычную свою теплоту и сердечное отношеніе къ людямъ. Дѣло это было настолько тонкаго, деликатнаго свойства, что настоятельно требовало лично объяснить Ивану Сергѣевичу то, что не укладывалось въ письма. Поэтому, я рѣшился отправиться въ Спасское-Лутовиново и лично переговорить съ Тургеневымъ. Помимо вышеупомянутаго «дѣла» я не считалъ себя въправѣ претендовать на особое вниманіе и гостепріимство нашего великаго писателя, и потому рассчиталъ свое время такъ, чтобы прибыть въ Спасское утромъ 13-го августа и по исполненіи своей миссіи (я поѣхалъ далеко не по собственному желанію) сей часъ же уѣхать оттуда, благо я зналъ изъ писемъ самого Ивана Сергѣевича, что усадьба его отъ станціи желѣзной дороги всего въ 15-ти верстахъ.

Я такъ и сдѣлалъ. 13-го августа, въ десятомъ часу утра, я ѣхалъ уже по широкой улицѣ села Спасскаго-Лутовинова, по обѣимъ сторонамъ обложенной ветлами. Какъ во всякой великорусской деревнѣ, дома смотрѣли сѣро и неприглядно. При вѣздѣ я увидѣлъ небольшую часовню, стоявшую тогда еще чернѣ. Въ концѣ улицы зеленѣла обширная купа деревьевъ, закрывавшая совершенно господскую усадьбу и только церковный шпиль вид-

нѣлся, пока я не подъѣхалъ къ самому дому. Деревянный домъ выстроенъ въ русскомъ вкусѣ съ балкономъ на двѣ стороны и небольшимъ мезониномъ. Къ нему примыкаетъ длинная дугообразная каменная пристройка — остатокъ возвышавшихся здѣсь въ первую половину этого столѣтія и сгорѣвшихъ затѣмъ трехъ-этажныхъ хоромъ съ пристройками и флигелями. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый музыкантскій, и обращенъ въ теперешній домъ, утопающій въ зелени сада, раскинувшася десятинъ на двадцать и спускающася къ пруду, длинному и широкому, какъ озеро.

Тутъ же въ саду построена церковь, а около нея небольшой деревянный домикъ, гдѣ помѣщается школа. Немножко подальше такой же домикъ занятъ богадѣльней. Хозяйственныхъ построекъ не видно — они всѣ отнесены на хуторъ Петровскій, за версту отъ усадьбы. Я подъѣхалъ къ крыльцу и вышедшей ко мнѣ на встрѣчу горничной дѣвушкѣ передалъ свою визитную карточку, прося доложить обо мнѣ Ивану Сергѣевичу. Черезъ минуту дѣвушка воротилась и провела меня на балконъ, гдѣ я засталъ Ивана Сергѣевича за утреннимъ чаемъ, среди немногочисленнаго общества, въ числѣ котораго я засталъ тогда жену одного изъ старѣйшихъ друзей Ивана Сергѣевича съ двумя дѣтьми, одного извѣстнаго собирателя народныхъ русскихъ пѣсень и одного родственника Тургенева, совсѣмъ юнаго студента Московскаго университета. Поздоровавшись со мной и перезнакомивъ меня со всѣмъ обществомъ, Иванъ Сергѣевичъ осыпалъ меня вопросами о лицѣ, въ которомъ принималъ столь живое участіе, хотя самъ не зналъ его лично, но глубоко интересовался имъ, считая его крупнымъ, подающимъ большія надежды талантомъ. Я принужденъ былъ отвѣчать обстоятельнымъ рассказомъ, который онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы впиваясь въ каждую подробность и только лишь изрѣдка перебивая меня направляющимъ вопросомъ. Я чувствовалъ, что передо мной сидитъ великій художникъ, обладающій дивнымъ умѣньемъ выслушивать людей и до мельчайшихъ, но характернѣйшихъ подробностей узнавать человѣческую жизнь. И я, и мой высокій слушатель совершенно забыли, что я цѣлую ночь не спалъ въ вагонѣ и затѣмъ рано утромъ проѣхалъ часа полтора-два на извожичьей пролеткѣ. Только когда я окончилъ существенную часть моего рассказа, Иванъ Сергѣевичъ замѣтилъ, что можетъ быть я хочу переодѣться и привести себя въ порядокъ и я тутъ только вспомнилъ, что я, какъ пріѣхалъ, такъ и сижу въ пальто и съ сумкой черезъ плечо.

Старикъ лакей, съ катарактомъ на одномъ глазу, проводилъ меня въ мезонинъ, гдѣ я переодѣлся и, сойдя черезъ полчаса внизъ, засталъ Ивана Сергѣевича и его гостей уже въ гостинной. Здѣсь мы расположились на старинныхъ, но очень удобныхъ диванахъ. Гостинная ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной пріемной въ

помѣщичьемъ домѣ, за исключеніемъ висѣвшаго на стѣнѣ великолѣпнаго каламовскаго пейзажа, который Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ и цѣнилъ. На право, въ сосѣдней маленькой комнатѣ, едва помѣщался громадный, довольно безобразный диванъ, который Иванъ Сергѣевичъ называлъ «la мосононъ», совсѣмъ какъ у Увара Ивановича въ «Наканунѣ». Другая дверь изъ гостинной вела въ небольшой кабинетъ Тургенева, гдѣ за деревянными ширмами помѣщалась и постель его, а около ширмъ стояло большое кресло. Надъ письменнымъ столомъ висѣли гравированные портреты Бѣлинскаго и Щепкина, а на другой стѣнѣ, писанный масляными красками портретъ покойнаго отца нашего писателя. Въ углу, гдѣ стоялъ небольшой диванчикъ, висѣла старинной темной живописи икона Спасителя (нерукотворный образъ). Мнѣ оставалось досказать еще немного изъ моего повѣствованія, что я и сдѣлалъ, а затѣмъ могъ считать свою миссію, въ сущности, оконченной.

Между тѣмъ, разговоръ принялъ общій характеръ и я не успѣлъ еще заговорить о своемъ отъѣздѣ, какъ Иванъ Сергѣевичъ спросилъ меня — спѣшу ли я куда-нибудь и предложилъ мнѣ, если я располагаю свободнымъ временемъ, остаться въ Спасскомъ еще на день или на два, такъ какъ онъ отложилъ на нѣсколько дней свой отъѣздъ въ Петербургъ и затѣмъ за-границу. Я, конечно, не отказался, о чемъ не пожалѣлъ и не жалѣю. Не забывая ни на минуту, что я въ домѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, я нигдѣ во всю мою жизнь не чувствовалъ себя такъ свободно и привольно, какъ въ Спасскомъ, и это съ перваго же дня. Таково было вообще свойство Спасскаго, свойство, которое хорошо сознавалъ самъ Иванъ Сергѣевичъ. Теперь же особенно все скрашивало то обстоятельство, что послѣ пріятно проведеннаго лѣта, среди многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, какъ будто бы спѣшившихъ въ послѣдній разъ посѣтить Ивана Сергѣевича въ его любимомъ Спасскомъ, онъ находился въ прекрасномъ расположеніи духа, хотя и былъ не совсѣмъ здоровъ: онъ сильно охрипъ и, кромѣ того, у него разыгрывалась подагра. Надъ этими обѣими своими болѣзнями Иванъ Сергѣевичъ постоянно трунилъ. Охрипъ онъ, какъ самъ признавался, въ спорахъ съ молодымъ вице-губернаторомъ сосѣдней губерніи, который уѣхалъ за день или два передо мной, прогостивъ нѣсколько времени въ Спасскомъ. Вице-губернаторъ былъ немножко философъ; въ часы досуга переводилъ Марка-Аврелія, въ религіозныхъ вопросахъ былъ немножко мистикъ и ревностный поклонникъ этой стороны дѣятельности графа Л. Н. Толстого. Противникъ всего туманнаго и неопредѣленнаго въ области формулированныхъ убѣжденій и взглядовъ, Иванъ Сергѣевичъ до слезъ спорилъ съ вице-губернаторомъ-философомъ и даже охрипъ. Какъ не симпатично вообще относился Тургеневъ ко всякаго рода туманности въ области взглядовъ и сужденій о

вещахъ, я имѣлъ случай убѣдиться въ тотъ же день. Бѣгло просмотрѣвъ привезенныя съ почты газеты, Иванъ Сергѣевичъ остановился на одной пространной критической статьѣ, гдѣ проводилась параллель между нимъ и Достоевскимъ, причемъ отдавалось преимущество послѣднему, потому что онъ создалъ синтезъ типовъ, между тѣмъ, какъ Тургеневъ далъ только простые типы.

— Позвольте васъ спросить, обращался къ намъ Иванъ Сергѣевичъ, что это значитъ синтезъ типовъ? Вѣдь вотъ до чего доводитъ злоупотребленіе философскими терминами!

Оригинально шутилъ Иванъ Сергѣевичъ и надъ своей подагрой. Онъ увѣрялъ насъ, что самъ накликалъ на себя болѣзнь. Дѣло въ томъ, что богатый сосѣдь-помѣщикъ, хлѣбосоль и просвѣщенный человѣкъ, усиленно приглашалъ Ивана Сергѣевича къ себѣ и даже, заполучивъ отъ него полуобѣщаніе пріѣхать, изготовилъ ради этого случая фейерверкъ, о чемъ сообщилъ пріѣхавшій изъ города упрямляющій. Но Ивану Сергѣевичу въ эти послѣдніе дни его пребыванія на его истинной родинѣ, какъ-то особенно не хотѣлось покидать своего гнѣзда и, потому, онъ уклонился отъ поѣздки за 40 верстъ, пославъ извинительное письмо, въ которомъ ссылаясь на свою подагру.

Посланный возвратился, привезя отвѣтъ, что г. N очень сожалѣетъ о нездоровьи Ивана Сергѣевича и поспѣшитъ пріѣхать навѣстить его. И вотъ Иванъ Сергѣевичъ, ожидая пріѣзда гостя, сталъ, какъ онъ выражался, упражняться въ подагрической походкѣ и затѣмъ уже объявилъ намъ, что, притворная сначала, подагра разыгралась у него не на шутку. Съ ожидаемымъ сосѣдомъ Иванъ Сергѣевичъ былъ болѣе знакомъ по Парижу, гдѣ г. N проживалъ каждую зиму, и Иванъ Сергѣевичъ называлъ его «парижскимъ степнякомъ», при чемъ добавлялъ, что здѣсь, въ Орловской губерніи, г. N выглядит «степнымъ парижаниномъ».

«Степной парижанинъ» дѣйствительно пріѣхалъ, много болталъ, много выпрашивалъ и съумѣлъ вызвать Ивана Сергѣевича на живую бесѣду, такъ что онъ цѣлый вечеръ оживленно, необыкновенно изящно и остроумно рассказывалъ, между прочимъ, удивительные анекдоты о В. Гюго, когда рѣчь зашла объ этомъ великомъ французскомъ поэтѣ. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ о поразительномъ тщеславіи величайшаго поэта Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ примѣры его крайняго невѣжества, особенно по части иностранныхъ литературъ. Многіе изъ этихъ анекдотовъ, не помню какимъ образомъ, проникли въ нашу печать, такъ, на примѣръ, рассказъ о томъ, что Гюго однажды отнесся слишкомъ скептически къ нѣмецкой драматургіи и безапелляціонно заявилъ, что Гете написалъ всего одну порядочную драму — «Валенштейнъ», но и та ужасно скучна. На скромное замѣчаніе относительно его ошибки въ данномъ случаѣ, поэтъ Франціи возразилъ, что онъ

«этихъ нѣмцевъ никогда не читаетъ» ¹⁾). Вообще, Иванъ Сергѣевичъ отзывался очень не лестно о степени образованности и начитанности Гюго и даже горячо оспаривалъ сдѣланное кѣмъ-то изъ насъ замѣчаніе, что Гюго хорошо знаетъ Шекспира.

О тщеславіи Гюго Иванъ Сергѣевичъ рассказывалъ вещи совсѣмъ необычайныя даже для анекдота. Такъ, напримѣръ, однажды, въ салонѣ у Гюго, собравшіеся его почитатели одинъ передъ другимъ превозносили его геніальность и, между прочимъ, подняли вопросъ о томъ, что улица, гдѣ онъ живетъ, должна быть непременно названа Rue de Hugo. Но при этомъ кто-то высказалъ соображеніе, что эта слишкомъ малолюдная улица не можетъ служить достойнымъ напоминаніемъ великаго поэта, что этой чести заслуживаетъ болѣе замѣтное мѣсто въ Парижѣ; и тутъ гости поэта стали перебирать одно за другимъ самыя многолюдныя и замѣчательныя мѣста Парижа, поднимая все выше и выше, пока, наконецъ, одинъ молодой человѣкъ воскликнулъ съ энтузіазмомъ, что самый городъ Парижъ долженъ считать за честь получить имя своего великаго поэта. Тогда Гюго, раньше соглашавшійся съ мнѣніями своихъ поклонниковъ, нѣсколько задумался, затѣмъ, обратившись къ молодому человѣку, сказалъ глубокомысленно:

«Ça viendra, mon cher, ça viendra!»

Рассказы эти были особенно характерны въ устахъ Ивана Сергѣевича, этой воплощенной скромности въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ и своего общественнаго значенія.

Кстати о своихъ французскихъ отношеніяхъ, Иванъ Сергѣевичъ объяснилъ намъ, между прочимъ, какимъ образомъ произошло недоразумѣніе между нимъ и Гамбеттой въ салонѣ г-жи Аданъ, недоразумѣніе, въ свое время подавшее поводъ къ разнымъ толкамъ. Все вышло изъ-за того, что Тургенева подвели къ Гамбеттѣ съ той стороны, на которой у него не было глаза. Впослѣдствіи, они неоднократно видѣлись и Иванъ Сергѣевичъ очень много рассказывалъ намъ о широкомъ политическомъ образованіи Гамбетты. Иванъ Сергѣевичъ признавался, что его поразили познанія Гамбетты по такимъ вопросамъ русской исторіи, какъ, напримѣръ, эпоха Петра.

Между тѣмъ, одна бесѣда цѣплялась за другую и время уходило совершенно не замѣтно. Прошло два дня, уѣхалъ «парижскій степнякъ» ¹⁾ и вмѣстѣ съ нимъ собиратель пѣсенъ, собирався уѣхать и я, и вмѣстѣ со мною юный родственникъ Ивана Сергѣевича, но нашъ любезный хозяинъ повторилъ намъ тоже, что и раньше:

¹⁾ Въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины» также рассказывается этотъ случай.

«если вы, господа, никуда не спѣшите, то, пожалуйста, оставайтесь; разъѣдемтесь всѣ вмѣстѣ».

Мы высказали предположеніе, что наше присутствіе, можетъ быть, стѣсняетъ его.

— О, нѣтъ, возразилъ онъ: вы для меня не то, что... и онъ назвалъ одного изъ своихъ недавнихъ гостей, къ которому былъ въ высшей степени внимателенъ, но очень тяготился имъ.

Нечего и говорить, что мы остались и наше небольшое общество необыкновенно быстро какъ бы сроднилось. Ивану Сергѣевичу не хотѣлось покидать своего роднаго гнѣзда, съ его прелестными окрестностями, и всю эту недѣлю, равно какъ и во все лѣто, онъ не могъ и не хотѣлъ собраться ни къ кому изъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Ему больше всего хотѣлось передъ отъѣздомъ во всю грудь надышаться воздухомъ Спасскаго, его лѣсовъ и полей. Помню, съ какимъ неудовольствіемъ онъ собрался-таки съѣздить къ одному сосѣду по необходимѣйшему дѣлу. Забавно было видѣть, какъ и здѣсь сказался всегдашній добродушный юморъ Ивана Сергѣевича, когда онъ на нашихъ глазахъ писалъ этому сосѣду письмо, предупреждая его о своемъ намѣреніи съѣздить къ нему по дѣлу. Онъ громко диктовалъ самъ себѣ это письмо, шуточно комментируя чуть не каждое слово: «Многоуважаемый», говорилъ и писалъ Иванъ Сергѣевичъ, прибавляя: «нисколько не уважаю»; «съ особеннымъ удовольствіемъ» — «никакого удовольствія не предвижу»; «исполню свое давнишнее желаніе» — «никогда такого желанія не имѣлъ».

Все это шло у него такъ живо и добродушно, что я боялся, какъ бы одна изъ этихъ фразъ *à part* не попала по ошибкѣ въ письмо. Вернувшись вечеромъ изъ своей поѣздки, Иванъ Сергѣевичъ долго еще рассказывалъ свои впечатлѣнія, которыя, впрочемъ, сосредоточивались главнымъ образомъ на одномъ — на хозяйкѣ дома, гдѣ онъ былъ принятъ, надо прибавить, необыкновенно радушно.

— Но вы представьте себѣ, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, ей лѣтъ подъ 60, а она держитъ себя такъ, какъ простиительно шестнадцатилѣтней дѣвчкѣ; понимаете ли, не то чтобы прилично, а только едва-едва позволительно.

И при этомъ, Иванъ Сергѣевичъ морщился, кривился, точно будто ему тошно становилось при одномъ воспоминаніи о старой женщинѣ.

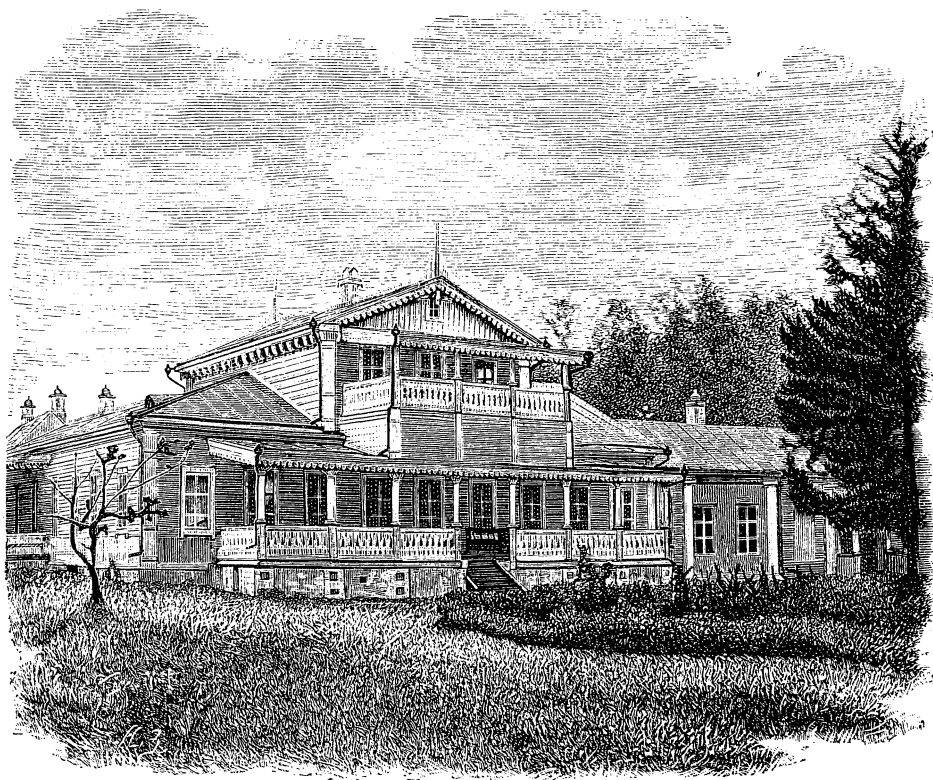
Эта дама, конечно, сама по себѣ не представляетъ интереса ни для меня, ни для моихъ читателей, но я занесъ этотъ мелкій фактъ въ свои воспоминанія потому, что онъ чрезвычайно характеризуетъ необыкновенно живое воспріятіе истиннымъ художникомъ всякаго рода впечатлѣній. Это представляется особенно важнымъ въ связи съ тѣмъ взглядомъ на искусство, который

Иванъ Сергѣевичъ неоднократно высказывалъ въ дни нашего кратковременнаго, но довольно близкаго знакомства. Это бывало всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось припоминать нѣкоторыя классическія мѣста изъ его произведеній. Помню разъ, мы гуляли по большой подъѣздной аллеѣ отъ дома по направленію къ церкви. Былъ уже девятый часъ вечера, стояла прекрасная августовская погода, воздухъ былъ ясенъ и чистъ, кругомъ ни что не шелохнется и каждое движеніе, каждое восклицаніе слышно необыкновенно отчетливо. Мнѣ почему-то вспомнилась заключительная сцена «Пѣвцовъ» и я въ полголоса провелъ это прелестное восклицаніе «Антропка, Антропка — а». Иванъ Сергѣевичъ какъ-то встрепенулся весь, точно будто сразу надвинули на него свѣжія, молодыя воспоминанія, и онъ сказалъ:

— Вѣдь вотъ говорятъ творчество это такая громадная сила, а между тѣмъ, создайте вы сами изъ себя всѣ эти превосходныя мѣста, которыя навсегда запечатлѣваются въ памяти читателей и всѣми признаются за *chef-d'oeuvre's*. Вѣдь я же не выдумалъ этого Антропку. Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ слышалъ, какъ они перекликались. И въ концѣ концовъ мастерство художника въ этомъ и состоитъ, чтобы сѹмѣть принаблюдать явленіе въ жизни и затѣмъ уже это дѣйствительное явленіе представить въ художественныхъ образахъ. А выдумать ничего нельзя, заключилъ онъ свою рѣчь.

И ту же самую мысль онъ сталъ развивать почти въ такихъ же выраженіяхъ въ другой разъ, когда пришлось цитировать изъ «Затишья» извѣстную фразу о Матренѣ Марковнѣ, которая «на счетъ манеръ очень строга», при чемъ «чуть что, а ужъ Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно». И это прелестное мѣсто тоже по словамъ Ивана Сергѣевича, живая натура. И между тѣмъ, въ томъ же «Затишѣ» испорчена, какъ онъ говорилъ, цѣлая часть, потому что Иванъ Сергѣевичъ писалъ ее на спѣхъ въ Петербургѣ, такъ какъ Некрасову изъ-за какихъ-то соображеній эта повѣсть нужна была какъ можно скорѣе. Вообще же Иванъ Сергѣевичъ работалъ надъ своими вещами очень усидчиво. Долженъ впрочемъ оговориться, что за время моего пребыванія въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ не писалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ писемъ, да и къ этому онъ приступалъ съ какимъ-то ужасомъ, показывая намъ связку изъ 26-ти подлежащихъ отвѣту писемъ, разложенныхъ у него по порядку ихъ полученія. О томъ же, какъ художникъ долженъ работать надъ своимъ произведеніемъ, Иванъ Сергѣевичъ высказалъ мнѣ свой взглядъ въ разговорѣ о нашей общей знакомой, молодой писательницѣ, въ которой Иванъ Сергѣевичъ принималъ большое участіе и пристроилъ въ одинъ изъ толстыхъ журналовъ ея повѣсть, въ свое время обратившую на себя вниманіе критики. Эта молодая писательница гостила въ Спасскомъ за нѣ-

сколько дней передо мной и между прочимъ передала на судъ Ивана Сергѣевича новую свою повѣсть. Онъ высказалъ ей откровенно, что недоволенъ этимъ произведеніемъ и потомъ излагалъ мнѣ подробно мотивы, какими онъ при этомъ руководился. Онъ очень одобрялъ сюжетъ, хвалилъ постановку отдѣльныхъ мѣстъ, но его возмущала несоразмѣрность между сюжетомъ и объемомъ повѣсти и затѣмъ полнѣйшая небрежность формы. Все это Иванъ Сергѣевичъ приписывалъ тому, что большинство теперешнихъ мо-

Господскій домъ въ селѣ Спасскомъ.

лодыхъ беллетристовъ пишутъ свои произведенія чуть не прямо на-бѣло и потому имъ ничего не стоитъ напримѣръ на одной страницѣ 18 разъ употребить слово «былъ». Этому Иванъ Сергѣевичъ противопоставлялъ то усердіе, съ какимъ онъ по одиннадцати разъ переписывалъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній.

Кстати о молодыхъ начинающихъ авторахъ, нужно сказать, что вообще къ новобранцамъ литературы Иванъ Сергѣевичъ относился болѣе чѣмъ добродушно. «Каждый старѣющійся писатель», писалъ онъ къ одному изъ молодыхъ авторовъ, «съ удовольствіемъ видитъ литературныхъ себѣ наслѣдниковъ». Это было съ его сто-

роны не пустой фразой. Онъ не ждалъ даже, чтобы начинающая молодежь шла къ нему на поклонъ. Онъ самъ первый обращалъ вниманіе на все сколько нибудь выдающееся изъ ряду; старался одобрить, поддержать новичка, и бывали случаи, что, зная только литературное имя, онъ принималъ мѣры, чтобы отыскать начинающаго автора и завязать съ нимъ сердечныя отношенія,—отношенія не учителя къ ученику, а просто стараго друга, отъ души посылающаго благословенія всякому отпрыску благороднаго дерева. Литературное покровительство Ивана Сергѣевича одно время вошло почти въ пословицу и далеко не всѣ протежируемые имъ авторы, какъ извѣстно, нашли благопріятный пріемъ у критики и читающей публики. Иванъ Сергѣевичъ далеко не мирился съ этимъ, и про одну повѣсть, въ конецъ осмѣянную всѣми рецензентами, онъ говорилъ мнѣ: «что бы ни писали и ни говорили, а это прекрасная вещь».

Такъ относился Иванъ Сергѣевичъ къ новобранцамъ литературной рати. Говорить-ли объ отношеніяхъ къ ветеранамъ, къ дѣятелямъ его времени? Считаю за лучшее сказать, потому что пишу по чистой совѣсти своего рода историческій документъ, которымъ надѣюсь не оскорбить памяти покойниковъ и не задѣть живыхъ.

Здѣсь, конечно, нечего говорить, что дѣло не обошлось безъ разговоровъ о Достоевскомъ. Это вѣдь было въ тотъ годъ, когда русская интеллигенція съ такими слезами похоронила Достоевскаго, со слезами, какихъ, правду сказать, не было пролито надъ могилой Ивана Сергѣевича. Впрочемъ, на это были особыя причины. У Достоевскаго было два рода поклонниковъ: одни поклонялись его таланту и несли за его гробомъ вѣнки «автору Мертваго дома», другіе видѣли въ немъ какого-то божьяго вѣщаго человѣка, раскрывающаго невѣдомыя рѣшенія непостижимыхъ задачъ, но во всякомъ случаѣ умеръ Достоевскій неожиданно для всѣхъ, въ самый разгаръ своей дѣятельности въ обоихъ вышенамѣченныхъ направленіяхъ, такъ что смерть его для всѣхъ была одинаково горькой утратой человѣка, который еще не все сказалъ.

Смерть Тургенева, напротивъ, дала поводъ у насъ къ какому-то побѣдному торжеству, къ какому-то триумфальному шествію русской литературы. Смерть его еще болѣе уяснила всѣмъ и каждому, до чего это было колоссальное проявленіе русскаго духа, проявленіе вполне опредѣлившееся не только для русскаго читающаго люда, но и для всей просвѣщенной Европы.

Да простить мнѣ читатель это отступленіе, но оно было необходимо до изложенія нашихъ бесѣдъ съ Тургеневымъ о Достоевскомъ. Весь этотъ разговоръ завелъ молодой родственникъ Ивана Сергѣевича, юноша искренній, прямой, не стѣснявшійся откровенно высказывать охватившее тогда чуть не всю молодежь увлеченіе Достоевскимъ, доходившее до самозабвенія.

Иванъ Сергѣевичъ не пожалѣлъ этого молодаго увлеченія и, конечно, безъ труда разбилъ его, набросавши весьма не симпатичный образъ покойнаго писателя.

— Не добрый онъ былъ человѣкъ и не могъ равнодушно относиться къ чужому успѣху, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ. Мало ему было, что онъ меня вывелъ въ Кармазиновѣ, но зачѣмъ было Грановскаго трогать: вѣдь онъ покойникъ!

Вообще, указавъ на неумѣнье Достоевскаго отрѣшиться отъ личностей, онъ рассказалъ и свое личное столкновеніе съ Достоевскимъ, послѣ котораго они окончательно разошлись.

Это было въ Баденъ-Баденѣ, въ 1868 году, когда только что вышелъ «Дымъ». Въ это время Достоевскій былъ сильно увлеченъ игрой, былъ въ большемъ выигрышѣ, увѣрился, что онъ попалъ на счастливые номера и... проигралъ все до копѣйки. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Достоевскій взялъ въ займы у Тургенева какую-то незначительную сумму денегъ. Вскорѣ затѣмъ онъ отыгрался, пересталъ играть и привезъ Тургеневу свой долгъ. Но уже отдавъ деньги, Достоевскій все-таки, по замѣчанію Тургенева, чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ какъ нарочно пицей для этого раздраженія оказался злополучный «Дымъ».

— Эту книгу надо сжечь рукою палача, сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, вся эта сцена происходила одинъ на одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь, на тѣму: вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее и т. д.—однимъ словомъ Достоевскій отождествлялъ Потугина съ самимъ Тургеневымъ. Иванъ Сергѣевичъ рассказывалъ, что онъ предпочелъ выслушать все молча и дожидаться, пока Достоевскій кончитъ и уйдетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Но, спустя нѣсколько времени, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе отъ издателя «Русскаго Архива» г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: «Я ненавижу Россію» и т. д. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15 лѣтняго). На вопросъ Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично. Сообщаю этотъ фактъ такъ, какъ я его слышалъ отъ Ивана Сергѣевича, особенно въ виду того, что въ настоящее время, въ числѣ матерьяловъ для біографіи Достоевскаго, кажется находится письмо къ А. Н. Майкову, относящееся къ этому самому эпизоду, только что мною рассказанному. Для біографа, конечно нѣтъ ничего хуже, какъ такой случай, когда два лица, ведшія бесѣду глазъ на глазъ,

передаютъ эту бесѣду совершенно различно. Біографъ невольно склонится туда, гдѣ лежатъ его симпатіи. Если-же предположить, что симпатіи лежатъ въ обѣ стороны, или есть силы относиться къ обѣимъ сторонамъ объективно, то тогда во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Тургеневъ, обвиняемый въ ненависти къ своей родинѣ, отбивался отъ этого обвиненія. Вообще нужно сказать, что Иванъ Сергѣевичъ очень невыгодно отзывался о нравственныхъ качествахъ Достоевскаго.

Инымъ характеромъ отличались отношенія Тургенева къ другому нашему великому писателю, графу Л. Н. Толстому. Они почти земляки и въ былое время—сосѣди по имѣніямъ; но въ особенности сошлись они послѣ возвращенія графа Толстого изъ Крымской кампаніи, когда онъ сразу занялъ такое выдающееся положеніе въ русской литературѣ, благодаря своимъ «военнымъ рассказамъ». Самъ Толстой, какъ извѣстно, относится весьма скептически къ этому періоду своей жизни и въ своей исповѣди говорить, что не было преступленія, котораго бы онъ въ это время не совершалъ. Но, конечно, онъ, въ данномъ случаѣ, выражается слишкомъ сильно, а говоря просто, нашъ знаменитый писатель жилъ въ это время во всю ширь своей молодой русской натуры. Незадолго передъ тѣмъ безвозвратно погибъ старшій братъ его, Николай, который, по общему признанію всѣхъ знавшихъ его, отличался необыкновеннымъ талантомъ и чисто-философскимъ складомъ ума.

— То смиреніе передъ жизнью, говорилъ намъ Иванъ Сергѣевичъ, которое Левъ Толстой развиваетъ теоретически, братъ его примѣнилъ непосредственно къ своему существованію. Онъ жилъ всегда въ самой невозможной квартирѣ, чуть не въ лачугѣ, гдѣ нибудь въ отдаленномъ кварталѣ Москвы, и охотно дѣлился всѣмъ съ послѣднимъ бѣднякомъ. Это былъ восхитительный собесѣдникъ и рассказчикъ, но писать было для него почти физически невозможно. Его затруднялъ самый процессъ письма, какъ затрудняетъ простого человѣка, у котораго всегда натружены руки и перо плохо держится въ пальцахъ.

По всему этому, только очень немногіе его «Охотничьи рассказы» попали въ печать. Чахотка, быстро развившаяся подъ вліяніемъ недуга, угнетавшаго многихъ талантливыхъ русскихъ людей, безвременно свела въ могилу этого замѣчательнаго человѣка.

Грустно-трагическая судьба Николая Толстаго заставляла друзей бережно относиться къ его не менѣе талантливому брату, и во главѣ этихъ друзей стоялъ Тургеневъ, который принималъ близко къ сердцу правильное развитіе великаго русскаго таланта. Но, какъ мы извѣстно изъ другихъ источниковъ, графъ Толстой тяготился этой опекой и часто ускользалъ отъ нея, стараясь увлечь и самого Тургенева въ свой молодой разгулъ.

Но при всемъ этомъ, рассказывалъ Тургеневъ, у Толстого рано сказалась черта, которая затѣмъ легла въ основаніе всего его довольно мрачнаго міросозерцанія, мучительнаго прежде всего для него самого. Онъ никогда не вѣрилъ въ искренность людей. Всякое душевное движеніе казалась ему фальшью, и онъ имѣлъ привычку необыкновенно проницательнымъ взглядомъ своихъ глазъ насквозь пронизывать человѣка, когда ему казалось, что тотъ фальшивить. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда въ жизни не переживалъ ничего тяжелѣе этого испытующаго взгляда, который въ соединеніи съ двумя-тремя словами ядовитаго замѣчанія, способенъ былъ привести въ бѣшенство всякаго человѣка, мало владѣющаго собой. Предметомъ своихъ испытаній графъ Толстой избралъ между прочимъ (и почти исключительно) своего друга Тургенева. Ему, какъ рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, на давало покоя извѣстное самообладаніе нашего писателя и душевная ровность, въ тотъ періодъ блестящаго расцвѣта его литературной дѣятельности, и графъ Толстой какъ бы задался цѣлью вывести изъ себя этого спокойнаго, добраго человѣка, работающаго съ увѣренностью, что онъ дѣлаетъ дѣло. Но въ томъ-то и заключалась бѣда, что графъ Толстой ни во что это не вѣрилъ и ему казалось, что люди, которыхъ мы считаемъ добрыми, только притворяются такими, или стараются проявлять въ себѣ такое качество; что они напускаютъ на себя увѣренность въ пользѣ взятыхъ на себя задачъ.

Тургеневъ понималъ ясно, какъ относится къ нему графъ Толстой, но хотѣлъ во что бы-то ни стало выдержать характеръ и сохранить свое самообладаніе. Онъ сталъ избѣгать Толстого, нарочно уѣхалъ въ Москву и затѣмъ къ себѣ въ деревню, но графъ Толстой слѣдовалъ за нимъ по пятамъ «какъ влюбленная женщина», выразился Иванъ Сергѣевичъ, рассказывая всю эту исторію.

Въ деревнѣ, наконецъ, разыгралась буря. Кромѣ Ивана Сергѣевича и Толстого, въ Спасскомъ въ то время находился Шеншинъ (Фетъ) и еще одинъ изъ близкихъ друзей Ивана Сергѣевича, нѣкто Борисовъ. Разъ, всѣ они собрались въ двухъ экипажахъ проѣхать къ Фету въ его имѣнье. Передъ отъѣздомъ, за завтракомъ, кто то спросилъ у Ивана Сергѣевича, гдѣ теперь его дочь?

Онъ отвѣчалъ, что дочь его по прежнему за границей, что до сихъ поръ она получала исключительно французское воспитаніе, но что это ему не нравится и теперь онъ передалъ ее въ руки хорошей воспитательницы-англичанки. Графъ Толстой во все время этого разговора обратился на Ивана Сергѣевича свой обычный, испытующій взглядъ и затѣмъ спросилъ его:

— И эта гувернантка, во время прогулокъ, будетъ заходить съ вашей дочерью къ бѣднымъ и оставлять имъ деньги и лекарства?

Иванъ Сергѣевичъ возразилъ, что во всякомъ случаѣ онъ не видитъ здѣсь ничего дурного. Съ одной стороны бѣдныя получаютъ хоть маленькую помощь, а съ другой—въ ребенкѣ развивается сознание необходимости помогать страждущимъ.

— И такъ, значитъ не то, такъ другое: не получить ваша дочь настоящаго воспитанія, такъ по крайней мѣрѣ бѣдныя что нибудь получатъ. Вѣдь это ваша незаконная дочь?

— Да, но только что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что вы производите *experimentum in anima vili*.

Иванъ Сергѣевичъ не взвидѣлъ свѣта при этихъ словахъ и успѣлъ только крикнуть:

— Толстой, замолчите, или я въ васъ пущу вилкой.

— Я только увидѣлъ, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ,—что какая-то улыбка радости, при мысли, что онъ достигъ своей цѣли, сверкнула въ его глазахъ.

Этимъ все пока и кончилось. Толстой поспѣшилъ уѣхать въ свое имѣнье, а Тургеневъ отправился въ деревню къ Фету.

Возвратясь домой черезъ день или два, поздно вечеромъ, онъ засталъ у себя двѣ записки отъ Толстого. Въ одной изъ нихъ онъ приносилъ самое искреннее и теплое раскаяніе; въ другой, напротивъ, говорилъ, что оскорбленіе, нанесенное ему Тургеневымъ, можетъ быть смыто только кровью и потому приглашалъ Ивана Сергѣевича завтра въ 5 или 6 часовъ утра явиться къ такому-то оврагу и стрѣляться одинъ на одинъ.

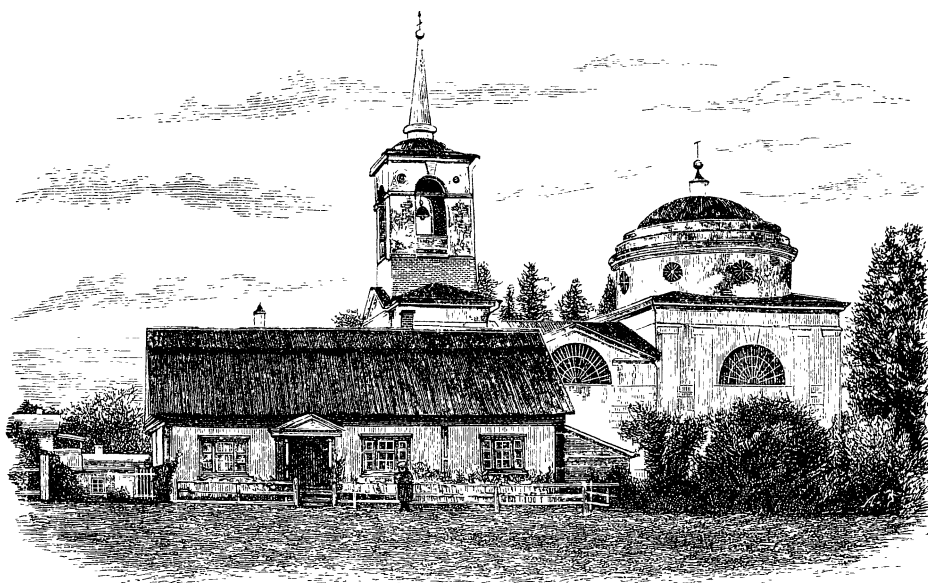
Иванъ Сергѣевичъ, находя невозможнымъ согласиться на столь дикій поединокъ, на слѣдующее утро попросилъ своего друга г. Борисова съѣздить къ Толстому и предложить ему дуэль по всѣмъ правиламъ, въ присутствіи секундантовъ. Но г. Борисовъ уже не засталъ Толстого; ему сказали, что графъ рано по утру выѣзжалъ куда-то, затѣмъ вернулся и сейчасъ же уѣхалъ въ свое другое имѣніе, Ясную Поляну.

Г. Борисовъ послалъ нарочнаго къ Ивану Сергѣевичу, спрашивая, что дѣлать и, согласно полученному отвѣту, погнался за Толстымъ въ Ясную Поляну и тамъ предложилъ ему дуэль на вышесказанныхъ условіяхъ, но графъ Толстой объявилъ, что теперь онъ уже не хочетъ стрѣляться и уклонился отъ всякихъ переговоровъ.

Съ этихъ поръ они долго не видались съ Иваномъ Сергѣевичемъ, до самаго послѣдняго времени, т. е. до конца 70-хъ годовъ. Съ обѣихъ сторонъ, конечно, все давно перегорѣло, и Тургеневъ былъ весьма радъ мирно и задушевно встрѣтиться съ другомъ своей молодости и достойнымъ товарищемъ по перу. Но ему все-таки хотѣлось прежде этого примиренія объясниться съ графомъ Толстымъ по поводу всѣхъ этихъ прискорбныхъ и странныхъ недоразумѣній. Однако, графъ отклонилъ всякую возможность это сдѣлать

Однажды, когда Тургеневъ пріѣхалъ по дѣламъ въ Тулу, а графъ Толстой случился тамъ же, онъ совершенно неожиданно пришелъ къ Тургеневу и, войдя къ нему въ комнату, дружески обнялъ его, не давъ начать никакихъ объясненій.

Два послѣдніе лѣта, проведенныя Иваномъ Сергѣевичемъ въ Россіи, они съ графомъ Толстымъ были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и нѣсколько разъ посѣщали другъ друга. Даже выѣзжая изъ Спасскаго въ послѣдній разъ, Иванъ Сергѣевичъ по дорогѣ въ Москву, заѣхалъ на день въ Ясную Поляну, въ отвѣтъ на приглашеніе графа пріѣхать къ нему на какой-то семейный праздникъ.

Церковь и школа въ селѣ Спасскомъ.

Мнѣ не пришлось видѣть ихъ вмѣстѣ, но между ними очевидно происходили обстоятельныя бесѣды по жгучимъ религіознымъ вопросамъ, такъ измѣнившимъ графа Толстого, судя по его исповѣди. По крайней мѣрѣ Иванъ Сергѣевичъ утверждалъ, что для Толстого уже миновалъ въ это время періодъ увлеченія православіемъ, что онъ отказался уже отъ мысли найти разрѣшеніе мучившихъ его задачъ въ лонѣ православія, среди русскаго духовенства и монашества. Самъ же Иванъ Сергѣевичъ относился къ русскому духовенству и монашеству съ легкимъ и добродушнымъ скептицизмомъ. Онъ признавался, что его ужасно тяготитъ присутствіе русскаго священника, и жаловался, что ему приказали (когда-то давно) имѣть въ своей школѣ преподавателемъ непременно мѣстное духовное лицо. Къ монахамъ и къ знаменитымъ

старцамъ въ родѣ отца Зосимы (Достоевскій, братья Карамазовы) онъ относился даже совѣмъ легкомысленно и рассказывалъ про монаховъ извѣстнаго монастыря на Бѣлыхъ берегахъ (Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи) комичный анекдотъ о томъ, какъ они ловятъ рыбу въ рѣкѣ посредствомъ запрудъ. Монахъ сидитъ на плоту, въ отверстіи перебираетъ пойманную рыбу и отбрасывая негодную, приговариваетъ: пошла, недостойная монашескаго чрева!

Къ таланту графа Толстого Иванъ Сергѣевичъ относился съ полнымъ сознаніемъ громадныхъ художественныхъ силъ этого величайшаго, по его мнѣнію, писателя, не только русскаго, но и вообще европейскаго. Мы почти каждый день слышали отъ Ивана Сергѣевича, какъ онъ благодаритъ судьбу за то, что онъ теперь не молодой начинающій писатель; онъ прибавлялъ, что молодой авторъ можетъ стать въ тупикъ: что въ самомъ дѣлѣ можно написать послѣ графа Толстого?

Чтобы покончить съ литературными симпатіями и антипатіями Тургенева, скажу о его отношеніи къ памяти Пушкина, котораго онъ не разъ называлъ своимъ учителемъ въ мастерствѣ художника. Намъ не приходилось имѣть съ нимъ обстоятельную бесѣду по этому предмету, но только онъ не разъ выражалъ сожалѣніе, что не слышитъ изъ устъ молодежи стиховъ вообще и стиховъ Пушкина въ особенности. Самъ же онъ впрочемъ очень часто въ нашемъ присутствіи декламировалъ только одни стихи:

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Громко съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ.

Читалъ стихи Иванъ Сергѣевичъ на распѣвъ и съ торжественной интонаціей, согласно Пушкинской традиціи. Онъ говорилъ намъ, что не слыхалъ, какъ читалъ самъ Пушкинъ, но что манеру его чтенія ему воспроизводилъ одинъ изъ его друзей, слышавшій самого Пушкина.

Говоря объ авторѣ «Записокъ охотника» и побывавши хоть разъ въ Спасскомъ (мнѣ пришлось впоследствии еще не разъ посѣтить Спасское), нельзя не упомянуть объ отношеніяхъ Ивана Сергѣевича къ его бывшимъ крестьянамъ. Нечего и говорить, что съ матерьяльной стороны онъ ихъ ничѣмъ не обидѣлъ: они получили прекрасные надѣлы и всѣ необходимыя угодья, а сверхъ того, въ каждый свой пріѣздъ онъ дарилъ имъ десятины по двѣ лѣсу, въ силу чего и теперь, среди спасскихъ крестьянъ, держится твердая увѣренность, что Иванъ Сергѣевичъ завѣщалъ имъ весь свой лѣсъ. Снабдилъ онъ также землей всѣхъ своихъ дворовыхъ, которые и выстроились цѣлой улицей сейчасъ же за господскимъ садомъ. Онъ не забылъ также такъ называемой «Поповки», т. е.

мѣстнаго духовенства, изъ среди котораго иные совершенно опустились до положенія простыхъ крестьянъ. И имъ былъ данъ значительный кусокъ лѣсу. Къ его заботливости о крестьянахъ надо отнести то, что онъ съ давнихъ лѣтъ на свой счетъ содержалъ школу и богадѣльню, гдѣ проживали всегда человекъ 10 престарѣлыхъ стариковъ и старухъ. И всѣ эти заботы особенно занимали Ивана Сергѣевича въ послѣдній столь тяжелый годъ его жизни. Въ школу приглашена была молодая учительница, которая занималась очень усердно и тѣмъ снискала расположеніе крестьянъ. Кромѣ того, въ виду абсолютнаго въ этой мѣстности отсутствія медицинской помощи для крестьянъ, былъ приглашенъ изъ г. Мценска военный врачъ, который еженедѣльно прѣзжалъ въ Спасское, давалъ совѣты и снабжалъ больныхъ лекарствами изъ нарочно устроенной при богадѣльнѣ аптеки. Въ газетахъ уже было писано о пенсіяхъ и стипендіяхъ, которыя щедро выплачивались Иваномъ Сергѣевичемъ. И кого только не было въ числѣ этихъ пенсіонеровъ и стипендіантовъ! Студентъ-технологъ, крестьянинъ-бобыль, у котораго «міръ» отобралъ надѣлъ, оставшаяся безъ средствъ къ жизни сосѣдка изъ того семейства, откуда Иванъ Сергѣевичъ взялъ типъ Чертопханова; юноша-крестьянинъ, отданный Иваномъ Сергѣевичемъ въ земледѣльческое училище, въ виду проявленныхъ имъ въ школѣ удивительныхъ способностей—все это существовало благодаря щедротамъ Ивана Сергѣевича. Не говорю уже о тѣхъ случаяхъ, когда Иванъ Сергѣевичъ не ожидалъ пока его попросятъ, а самъ протягивалъ руку помощи. Надо замѣтить еще, что онъ не особенно любилъ своихъ спасскихъ крестьянъ. Онъ часто говорилъ, что они слишкомъ деморализованы, вслѣдствіе своей невольной вѣковой близости къ барскому дому. И дѣйствительно, въ былое время въ барскомъ домѣ Спасскаго-Лутовинова крѣпостничество было пережито во всѣхъ степеняхъ его развитія.

Среди крестьянъ до сихъ поръ живы мрачныя преданія о внучатномъ дядѣ нашего писателя, И. И. Лутовиновѣ, отъ котораго и досталось матери Ивана Сергѣевича самое с. Спасское-Лутовиново. Крестьяне до сихъ поръ вѣрятъ и толкуютъ, что тѣнь этого Лутовинова бродитъ по плотинѣ надъ прудомъ, и это странное преданіе воспроизведено Иваномъ Сергѣевичемъ въ его повѣсти «Три портрета». Гораздо болѣе расположенъ былъ Иванъ Сергѣевичъ къ бывшимъ своимъ крестьянамъ сосѣдняго села Кольны, живописно раскинутого на высокомъ берегу извилистой рѣчки. И они платили ему тѣмъ же, какъ мнѣ пришлось видѣть, во время нашей поѣздки въ эту деревню на рыбную ловлю. Въ настоящее время эти крестьяне ведутъ непрестанную распрю съ усѣвшимся на рѣкѣ кулакомъ-мельникомъ, и Иванъ Сергѣевичъ принималъ живѣйшее участіе въ этой долготѣней борьбѣ, но къ сожалѣнію безуспѣшно.

— Мнѣ остается противъ него одно оружіе, говорилъ Иванъ

Сергѣевичъ, — написать рассказъ подъ заглавіемъ «Непобѣдимый Жикинъ».

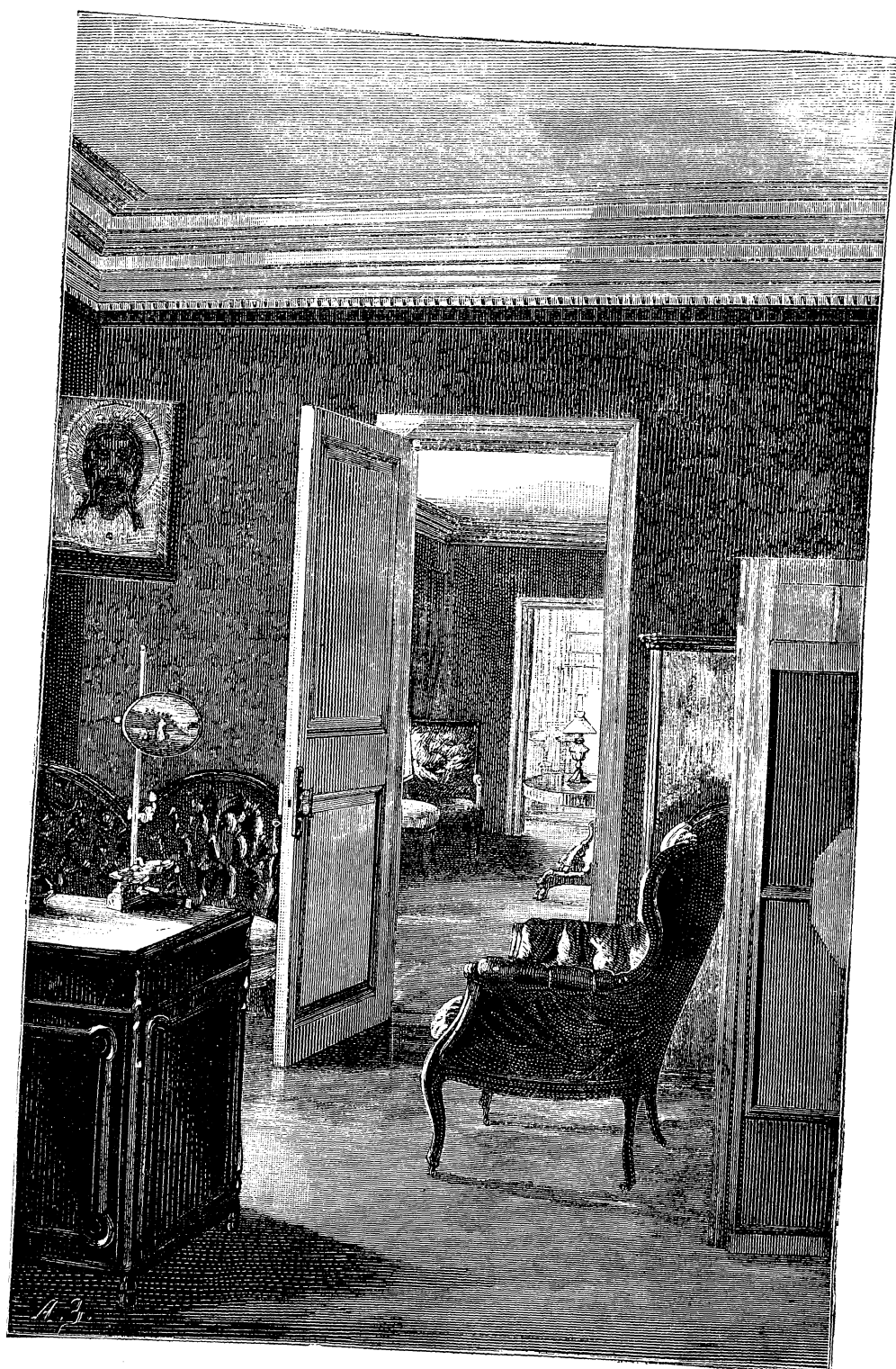
Но рассказъ написанъ не былъ, а Жикинъ по прежнему процвѣтаетъ, какъ я слышалъ въ прошломъ и въ этомъ году, бывши въ Спасскомъ.

Еще больше хлопотъ было Ивану Сергѣевичу съ своими крестьянами села Спасскаго, особенно по вопросу о кабацкѣ, который онъ всегда и всячески искорежалъ. Подъ его вліяніемъ спасскіе крестьяне давно уже составили приговоръ о неимѣніи у себя кабака. Тогда нашелся одинъ предприимчивый отставной унтеръ-офицеръ, который у сосѣднихъ крестьянъ князя Меньшикова снялъ въ аренду клочекъ земли, подходящій къ самому въѣзду въ село Спасское. Здѣсь, на основаніи приговора меньшиковскихъ крестьянъ, онъ и выстроилъ свой кабакъ. Тогда была придумана другая комбинація: при въѣздѣ въ Спасское на иждивеніе Ивана Сергѣевича выстроена часовня въ память покойнаго императора Александра II, и по открытіи часовни возбуждено было ходатайство о закрытіи кабака, находящагося на незаконномъ разстояніи отъ часовни. Кабакъ официально закрыть, но предприимчивый унтеръ-офицеръ по прежнему торгуетъ водкой среди спасскихъ крестьянъ, весьма склонныхъ къ выпивкѣ.

Даже и на сосѣднихъ меньшиковскихъ крестьянъ простиралъ Иванъ Сергѣевичъ свою добродушную заботливость и велъ объ нихъ переписку съ княземъ Меньшиковымъ, прося его сдѣлать крестьянамъ какую-то земельную уступку, въ восполненіе ихъ скудныхъ надѣловъ.

Съ сосѣдями Иванъ Сергѣевичъ почти не водился; пріѣзжая въ Спасское, онъ привлекалъ за собою слишкомъ много гостей изъ среды своихъ знакомствъ и дружескихъ отношеній въ области литературы и искусства. Изъ ближайшихъ сосѣдей онъ впрочемъ былъ очень расположенъ къ сосѣдкѣ своей Е. М. Я—кой, которую называлъ замѣчательной русской женщиной и все собирался повезти насъ къ ней, чтобы показать, какія бываютъ настоящія русскія женщины.

Впослѣдствіи, я познакомился съ г-жею Я. главнымъ образомъ потому, что меня интересовалъ взглядъ Ивана Сергѣевича на женщинъ и женскій вопросъ. Г-жа Я. одинокая женщина средняго состоянія, вотъ уже лѣтъ 10 посвящаетъ свои силы самой скромной дѣятельности на пользу своихъ крестьянъ. Ею устроена образцовая школа, организована медицинская помощь, а главное ея исключительными стараніями, при противодѣйствіи мѣстнаго дворянства, устроено ссудо-сберегательное товарищество, глубоко пустившее свои корни среди мѣстнаго населенія. И вотъ, въ этомъ скромномъ уголкѣ Россіи, на небольшомъ районѣ, «сѣется разумное, доброе, вѣчное»

Кабинетъ И. С. Тургенева въ селѣ Спасскомъ.

безъ того треска, какимъ приобрѣли такую печальную извѣстность бароны Корфы.

Г-жа Я. много лѣтъ знала Ивана Сергѣевича и нужно надѣяться когда нибудь подѣлится съ читающимъ міромъ своими воспоминаніями. Разъ дѣло коснулось воспоминаній, то нужно сказать, что въ Спасскомъ и теперь проживаетъ человѣкъ, драгоцѣнный для всякаго біографа Ивана Сергѣевича. Это сорокъ лѣтъ прослужившій ему лакей Захаръ Ѳеодоровичъ Балашевъ, живая хроника жизни Ивана Сергѣевича и даже болѣе чѣмъ внѣшней ея стороны. Я не считаю пока возможнымъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что слышалъ изъ устъ этого старика,—все это если хотите, мелочи, но мелочи, которыя приобретаютъ значеніе, если они попадутъ на канву стройной обстоятельной біографіи Тургенева, образъ котораго до сихъ поръ задернутъ передъ нами какимъ-то флеромъ, при чемъ по безмолвному, но общему согласію, многія существенныя стороны его жизни никѣмъ не затронуты и не скоро будутъ затронуты.

Отношенія самого Тургенева къ своему слугѣ были въ высшей степени оригинальны. Когда Захаръ бывалъ при немъ, то, конечно, на немъ лежали всѣ хозяйственныя заботы, и Иванъ Сергѣевичъ никогда не зналъ, что подадутъ ему за столомъ. Въ нашемъ присутствіи бывали случаи, что молчаливый, сосредоточенный Захаръ прямо не отвѣчалъ на вопросъ Ивана Сергѣевича, будетъ ли за обѣдомъ рыба, а затѣмъ самъ же принесъ эту рыбу на блюдѣ. Вѣчно суровый и угрюмый на видъ, онъ ходилъ за своимъ баринѣмъ какъ за ребенкомъ и самъ сравнивалъ себя съ Савельичемъ въ «Капитанской дочкѣ» (на своемъ вѣку онъ перечиталъ всѣхъ русскихъ авторовъ, тѣмъ болѣе, что многихъ зналъ лично). И чувства свои къ барину онъ сохранилъ и по сей день. Когда во всѣхъ концахъ Россіи стали собираться деньги на вѣнки незабвенному писателю, когда собрались на вѣнокъ и спасскіе крестьяне, старый слуга написалъ слѣдующія строки къ одному изъ старѣйшихъ друзей Ивана Сергѣевича: «Къ вѣчной памяти Ивана Сергѣевича. Дорогой мой Благодѣтель! Больше я не увижу тебѣ, посылаю на гробъ твой мои горькія слезы въ мѣсто Дорогова Вѣнка. Любилъ всей душой, гордился тѣмъ что Былъ твой слуга З. Б. 1840—1883 года Августа 30 дня С. Спасское» ¹⁾).

Заношу эти строки въ свои воспоминанія какъ памятникъ непосредственнаго теплаго отношенія къ покойнику, потому что нельзя относиться свысока къ чувствамъ простаго человѣка, который просто говоритъ: «гордился тѣмъ, что былъ твой слуга».

Кстати о простыхъ людяхъ; мнѣ вспомнилось, какъ мы одинъ разъ разговаривали съ Иваномъ Сергѣевичемъ о Савельичѣ, швей-

¹⁾ Мнѣ приходилось слышать, что этотъ же Захаръ воспроизведенъ графомъ Л. Толстымъ въ разсказѣ «Альбертъ».

царѣ Петербургскаго университета, котораго въ 40-хъ, 50-хъ и даже 60-хъ годахъ зналъ весь Петербургъ. Этотъ Савельичъ отлично зналъ каждаго студента и хорошо помнилъ всѣхъ выдающихся. Когда Иванъ Сергѣевичъ уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ пріѣхалъ однажды въ Петербургскій университетъ, Савельичъ тотчасъ узналъ его и самъ заговорилъ:

— Слышали мы про васъ, слышали, сказалъ онъ. — Писатель вы стали знаменитый. Только, знаете, не того мы отъ васъ ожидали, г. Тургеневъ.

— Я не спрашивалъ, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, чего отъ меня ожидалъ Савельичъ, но меня тогда очень занималъ этотъ вопросъ и только теперь, наканунѣ смерти, я понимаю, что дѣйствительно не того отъ меня тогда нужно было ожидать. А нужно было мнѣ тогда жениться на хорошей русской барышнѣ, были бы у меня свои дѣти...»

Этотъ переходъ повѣялъ на насъ грустью. Да, Ивана Сергѣевича тяготило его несомнѣнное одиночество, и не пустой фразой звучали въ его устахъ такъ часто повторявшіеся имъ слова: «плохо, плохо жить; пора умирать».

Предчувствія не обманули его, и намъ пришлось проводить Ивана Сергѣевича навсегда.

Евгеній Гаршинъ.

Р. С. Останки дорогого намъ человѣка покоятся уже въ землѣ, всѣ рѣчи сказаны. И вотъ именно теперь, когда все «свершилось», я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ напомнить имѣющимъ уши чтобы слышать, что послѣ Ивана Сергѣевича осталось одно наслѣдіе, которое принадлежитъ всему русскому обществу, которое вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть скромнымъ, но достойнымъ памятникомъ нашего почившаго великаго писателя. Я разумѣю здѣсь основанная Иваномъ Сергѣевичемъ школу и богадѣльню. Выражаю надежду, что село Спасское попадетъ въ руки добрыхъ и достойныхъ людей, которые благородно отнесутся къ памяти Ивана Сергѣевича и не пустятъ по міру дряхлыхъ стариковъ и старухъ, не захотятъ, чтобы они вышли изъ своего теплаго угла, повторяя «суди его Богъ». Дай Богъ, чтобы этого не случилось. Но нельзя полагаться на счастливую случайность, а съ другой стороны невозможно допустить, чтобы память объ Иванѣ Сергѣевичѣ была въ опасности не добромъ быть помянута только потому, что онъ, среди своихъ страданій, не успѣлъ позаботиться о тѣхъ сырыхъ и вдовыхъ, о комъ не забывалъ ни среди славы, ни на чужбинѣ. Были уже рѣчи о памятникѣ Тургенева, и, вѣроятно, это дѣло состоится.

Неужели же школа и богадѣльня, основанныя имъ самимъ, на мѣстѣ его первыхъ и богатѣйшихъ вдохновеній, неужели это не лучшій памятникъ гуманнѣйшему изъ русскихъ людей?

Я нарочно выдѣлилъ эти свои пожеланія въ особый *post scriptum*: если мои воспоминанія не имѣютъ особеннаго значенія, то я все таки глубоко желалъ бы, чтобы эти мои послѣднія строки не остались не замѣченными.

Е. Г.

